

2042 год.

В лучшей VIP-палате шанхайской больницы Жуйцзинь медленно угасал старик.

За дверью томила толпа наряженных в пух и прах родственников. Теряя терпение от гнетущего ожидания, они то и дело заглядывали сквозь стеклянное окошко палаты, гипнотизируя взглядами кардиомонитор. Они ждали.

Но ждали они не спасительного чуда от врачей, а появления семейного адвоката.

Сун Чжиши безучастно взирал на этот цирк. Родня из кожи вон лезла, стараясь скрыть алчную суету под маской скорбного благочестия. Смерив их презрительным взглядом, Чжиши бесплотной тенью скользнул сквозь запертую дверь.

Старик на койке выглядел на удивление крепким. Если не обращать внимания на опутавшую его паутину медицинских приборов, казалось, будто он просто безмятежно спит. Но мерный гул аппарата искусственного дыхания и мертвенная бледность лица не оставляли сомнений: земной путь патриарха завершился.

Чжиши приблизился и принялся пристально всматриваться в его черты. Лишь спустя долгое время ему удалось уловить в увядшем лице едва заметное сходство с тем, прежним Гу Хуаем.

— Надо же... — невольно прошептал он. — Гу Хуай, как же ты постарел?

Ведь для самого Чжиши с момента собственной смерти прошло совсем немного времени.

Да, будучи призраком, Сун Чжиши прекрасно осознавал, что мёртв. Но он никак не мог взять в толк, почему его душа до сих пор бродит среди живых, вместо того чтобы уйти на перерождение.

В его памяти Гу Хуай всё ещё оставался полным сил, волевым мужчиной в самом расцвете лет, целеустремлённо строившим свою бизнес-империю. А теперь этот некогда могущественный человек лежал перед ним — немощный, дряхлый старик, прикованный к постели.

Внезапный, прерывистый писк кардиомонитора вырвал Чжиши из раздумий. Вздвогнув, он подлетел ближе, сиюсь понять, что происходит со стариком.

Гу Хуай судорожно вздохнул и с трудом разомкнул тяжёлые веки. Обведя угасающим взором палату, он вдруг замер, устремив неподвижный взгляд в одну точку.

Чжиши показалось, что этот взгляд пронзил его насквозь. Он невольно отпрянул на шаг.

«Неужели он меня видит?»

Но разум тут же отверг эту нелепую догадку:

«Да быть не может. Я всего лишь бестелесный дух, для живых меня не существует»

В этот момент за дверью поднялся переполох:

— Очнулся! Отец очнулся!

— Скорее зовите врача!

— Сестра, медсестру сюда, живо!

Чжиши, хоть и не мог никому помешать физически, всё же благоразумно отступил в сторону, наблюдая за тем, как в палату ворвалась целая бригада именитых врачей.

В коридоре тем временем тоже произошли перемены. Кольцо рослых телохранителей в безупречных костюмах расступилось, пропуская двоих пожилых мужчин. Стоило им столкнуться лицом к лицу с дежурившими у палаты родственниками, как воздух между ними мгновенно наэлектризовался.

Один из присутствующих, мужчина лет пятидесяти в тёмном пальто, не удержался от ядовитой колкости:

— Надо же, второй брат, какой пафос! Отец при смерти, а ты соизволил явиться только сейчас...

Один из тех, кто шёл под охраной, сурово оборвал его:

— Пятый, попридержи язык. Второй брат задержался из-за важных дел.

Но тот лишь пренебрежительно фыркнул:

— Смотрю, третий брат, ты у нас заделался его верным защитником. Дела у него, как же! Отец на ладан дышит, а он всё разыгрывает из себя занятую персону.

— Да как ты смеешь!.. — задохнулся от возмущения третий.

— Довольно. Мы в больнице, прекратите этот балаган, — негромко, но властно произнёс

мужчина, стоявший в самом центре группы.

Его звали Сун Шиань. Будущему главе клана достаточно было сказать лишь слово, чтобы заставить замолчать любого смутьяна. Коридор мгновенно стих.

— Что говорят врачи? — спросил Шиань.

Главный врач, прекрасно знавший, кто здесь держит в руках реальную власть, поспешно шагнул вперёд и угодливо зашептал ему на ухо последние сводки.

Эта сцена лишь добавила желчи пятому брату, заставив его лицо перекошиться от досады.

Но если пятый исходил злобой, то Чжиши почувствовал искреннее удовлетворение. Он наконец узнал в этом умудрённом годами, властном мужчине своего племянника — сына старшей сестры, Сун Чжи.

Когда-то, после нелепой гибели Чжиши, старшая сестра, страшась угасания рода, передала своего сына в его ветвь семьи, чтобы продолжить фамильную линию. Так что формально этот солидный старик приходился призраку приёмным сыном.

После недолгой суматохи состояние Гу Хуая удалось стабилизировать, однако он снова впал в беспамятство. Впрочем, иллюзий никто не питал — все понимали, что развязка близка, и готовились к неизбежному.

Слухи о скором конце магната мгновенно разлетелись по городу. В больницу потянулись члены совета директоров, крупные акционеры, высокопоставленные служащие Корпорации Гу и даже те дальние родственники, о существовании которых в семье не вспоминали десятилетиями.

Каждым из них двигала жажда наживы. Огромное наследство Гу Хуая будоражило умы: все гадали, кому достанутся ключевые активы и как успеть урвать свой кусок от этого гигантского пирога.

Чжиши вновь бесшумно подплыл к изголовью кровати и, нахмурившись, стал разглядывать угасающего старика.

В половине пятого утра тишину предрассветного часа разорвал монотонный, тревожный сигнал медицинской аппаратуры.

Родственники, дремавшие в холле, мгновенно встрепенулись. Сбившись в кучу у дверей реанимации, они затаили дыхание в ожидании окончательного вердикта.

Чжиши тоже очнулся от своего полусонного оцепенения. Смутное беспокойство,

укоренившееся в груди, стремительно перерастало в глухую тревогу. Он растерянно смотрел на суетящихся врачей, и внутри у него всё сжималось от недоброго предчувствия.

Наконец ведущий хирург вышел в коридор и бессильно покачал головой.

— Мне очень жаль. Мы сделали всё, что было в наших силах.

Чжиши оцепенел, уставившись на очертания тела под белой простынёй. Осознание обрушилось на него холодной волной: Гу Хуай ушёл. Насовсем.

Этот великий человек не оставил ни прощальных слов любимым племянникам, ни тайных указаний верным соратникам. Он просто закрыл глаза и тихо растворился в вечности.

В коридоре слышались приглушённые рыдания, и этот фальшивый плач неожиданно отозвался в душе призрака странным эхом. Внутри у него образовалась огромная, зияющая пустота. Чжиши горько усмехнулся собственной сентиментальности: ну какие чувства могут быть у бесплотного духа?

После того как консилиум официально зафиксировал смерть мозга, бездыханное тело освободили от оков медицинской техники и бережно повезли в морг.

И ровно в этот момент в дверях показался Адвокат Лю — личный адвокат и самое доверенное лицо покойного. Притворные слёзы тут же высохли, уступив место предельной концентрации.

Уставшие за ночь стервятники мгновенно почуяли добычу. Началась безмолвная битва за выживание. Родственники разделились на группировки вокруг старших членов семьи, готовые насмерть стоять за свои доли. Их хищные, горящие взгляды впились в кожаный портфель юриста, словно пытаясь прожечь плотную бумагу папки с документами.

Адвокат Лю вежливо поклонился собравшимся:

— Дамы и господа. Несколько лет назад господин Гу составил завещание, которое до недавнего времени хранилось в ячейке Швейцарского банка. В соответствии с его волей, я уполномочен огласить этот документ здесь и сейчас.

У присутствующих замерло дыхание. Лишь Чжиши оставался безучастным — какие бы несметные богатства ни оставил после себя покойный, призраку они были ни к чему.

Он вальяжно устроился на свободном стуле, приготовившись слушать.

И тут до слуха Чжиши донеслись поразительные подробности. Выяснилось, что у Гу Хуая было четверо сыновей и две дочери! За вычетом племянника Шианя оставалось ещё пятеро

законных наследников, чьё потомство разрослось до невероятных масштабов. Самое возмутительное заключалось в том, что все они носили разные фамилии! Похоже, у этого старого лиса было несколько жён!

Твою ж мать!..

Сун Чжиши едва не задохнулся от возмущения. Почему его собственная жизнь оборвалась в самом начале, а этот негодяй наслаждался женским вниманием, плодил детей и встретил старость в окружении любящей оравы потомков? Где справедливость?!

Призрак побагровел от злости и принялся яростно молотить кулаками по воздуху.

«Если бы не одно „но“... Если бы этот мерзавец не вырастил Шианя как родного, не помог ему встать на ноги и завести семью, я бы лично вытряс из него душу! Как можно быть настолько бесстыжим?!»

Тем временем адвокат Лю неторопливо распечатал конверт и извлёк плотные листы бумаги.

Текст завещания оказался пространным, а тон стряпчего — сухим и бесстрастным. В коридоре не раздавалось ни шороха: судьба каждого из присутствующих сейчас висела на волоске. Одно слово могло вознести их на вершину финансового олимпа или низвергнуть в пучину нищеты.

Началось оглашение с распоряжений по поводу погребения:

— Никаких памятников, никаких могил. Родственникам запрещается устраивать пышные поминки и поклоняться моему праху. Развеять над морем.

«В своём репертуаре», — мысленно хмыкнул Чжиши.

Затем адвокат перешёл к разделу имущества.

— Историческая усадьба-сыхэюань в столичном переулке Люпо площадью две тысячи квадратных метров переходит в полную собственность старшего сына, Гу Ломина.

— Вилла в элитном жилом комплексе „Ваньхуа Хаочэн“ в столичном районе Чаоян площадью пятьсот квадратных метров — старшему сыну.

— Пентхаус в шанхайском комплексе „Шуйань Гоцзи“ в районе Суйхуэй площадью триста квадратных метров — старшему сыну.

Список недвижимости, инвестиционных фондов, антиквариата и драгоценностей казался

бесконечным. Чжиши слушал всё это с растущим недоумением и тревогой: почему имя Шианя до сих пор ни разу не прозвучало?

— Все денежные средства, размещённые на счетах в Швейцарском банке, завещаю третьему сыну, Лэй Цзимину, и четвёртой дочери, Лэй Цзюй, — чётко отчеканил юрист.

В толпе пронёсся приглушённый вздох. Это была самая лакомая часть пирога, ликвидный капитал, превосходящий по ценности любые особняки. Десятки завистливых, налитых кровью глаз уставились на названных брата и сестру.

Одна из присутствующих дам, усыпанная бриллиантами, не выдержала и резко спросила:

— И какова же точная сумма этих вкладов?

— Госпожа Хэ, в тексте завещания точная сумма не указана, — невозмутимо ответил адвокат Лю.

Не указана... Но сколько там может быть? Сто миллионов долларов? Двести миллионов?

Дыхание наследников стало тяжёлым и прерывистым. Гу Хуай контролировал крупнейшие энергетические и сырьевые конгломераты страны, владел долями в сфере медиа, медицины и высоких технологий. Его личные накопления исчислялись миллиардами. По сравнению с этой лавиной золота все упомянутые ранее виллы были лишь жалкими крохами.

Внезапно из угла донёсся дерзкий выкрик крашеного юнца:

— Пойдите! Но ведь моя бабушка ещё не приехала!

Адвокат смерил его холодным взглядом и ровным голосом произнёс:

— Молодой господин Хэ, данное завещание никак не затрагивает интересы госпожи Хэ. Её присутствие необязательно.

Юнец осекся, его лицо пошло пятнами. Он и представить не мог, что дед окажется настолько жестоким. Пусть они с бабушкой давно развелись, но она всё же родила ему двоих детей! И оставить её вообще ни с чем?!

Остальные родственники втайне злорадствовали, хотя на лицах у них блуждали притворно-сочувствующие улыбки.

— Ладно тебе, племянник, потише. Дай дослушать.

— Действительно, до вашей ветви очередь ещё просто не дошла.

Все понимали: истинные сокровища припасены на самый конец.

Пока что старшему достались три роскошных особняка, третьему и четвёртой — швейцарские миллионы. Но имя Сун Шианя, который фактически руководил семейной империей последние годы, как и имена младших детей, до сих пор не всплыло.

В толпе нарастало глухое беспокойство. Шиань не был кровным сыном олигарха — этот факт знали все. Неужели старик решил обделить приёмного преемника в пользу родной крови? Те, кто делал ставку на Шианя, начали судорожно переглядываться, холодея от мысли, что поставили не на ту лошадь.

Адвокат Лю проигнорировал нарастающий гул и ровным голосом продолжил чтение:

—... Большой театр Хэло в провинции Шэньси переходит во владение четвёртой дочери, Лэй Цзюйю.

Театр? Что за нелепость? Собравшиеся начали терять терпение. Им нужны были контрольные пакеты акций, оборотные средства, а не убыточные культурные объекты.

Однако Чжиши при звуках этого названия вздрогнул. Он изумлённо воззрился на тихую, незаметную женщину средних лет, сидевшую в самом углу.

Та оставалась абсолютно спокойной. Ни единый мускул не дрогнул на её лице, словно алчные взгляды родственников её не касались.

И в этой звенящей, наэлектризованной тишине следующие слова адвоката прозвучали подобно взрыву глубинной бомбы.

<http://bllate.org/book/19670/1943781>